

Ольга Егошина

На берегах пруда, реки и колдовского озера

Свердловский театр драмы
отмечает свое 90-летие

Свердловский театр драмы – редкий в нашем пространстве пример художественного существования директорской модели. В нем нет худрука, поэтому его функции – выбор репертуарной линии, приглашение режиссеров, поиск и поддержка новых людей лежит на широких плечах директора – Алексея Бадаева. В афише – Булгаков и Чехов, Островский и Гоголь, Горький и Достоевский, Шекспир и Бомарше, Володин и Шукшин, Сигарев и Богаев. Среди приглашенных режиссеров – Григорий Козлов и Владимир Панков, Анатолий Праудин и Владимир Мирзоев, Сергей Афанасьев и Уланбек Баялиев. В 2017 г. режиссером театра стал Дмитрий Зимин, поставивший на большой и малой сценах одиннадцать спектаклей. Один из последних – «Вий» Василия Сигарева.

Так получилось, что во время моего приезда в Екатеринбург сошлись «Вий» (режиссер Дмитрий Зимин), «Железнова Васса. Мать» (Уланбек Баялиев) и «Чайка» (Григорий Козлов). Постановки образовали своего рода триптих о жизни русской провинции (зажиточного хутора почтенного сотника, дома богатого волжского купца, имения статского советника Сорина на берегу колдовского озера) и открыли несменяемые ее константы. «Жизнь груба», – как скажет Нина Заречная. Разные герои трех спектаклей так или иначе ощущают ее шершавое прикосновение. Сильнее всего страдают самые беззащитные. Девочка, которая жила свободно, как чайка, потеряет ребенка, расстанется с любимым, обречет себя на скитальческую жизнь. Забитая прислуга в доме Железновых родит от хозяйского сына, убьет ребенка и повесится в столовой. Юная дочь сотника, в вечерний час оказавшаяся на дороге одна, вернется домой изнасилованной и избитой до полусмерти... Мы часто говорим о непреходящей актуальности классики, но можно подумать и о почве-мачехе, упорно гнобящей своих детей.

Насилье – вред, а покаянье – свет

История Хома Брута, пересказанная Василием Сигаревым, начинается с информации, будто взятой из уголовной хроники, – рассказа гулящей вдовы-шинкарки (Екатерина Соколова): трое неизвестных изнасиловали и жестоко избили дочку сотника Панночку. По одному тому, как от рассказа задрожал и метнул на шинкарку злобный и затравленный взгляд ее гость Хома Брут (Антон Зольников), становится понятно, что к скверной истории испуганный парень причастен. Более того, разбитная красотка (торгующая не столько горилкой, сколько собой) об этом догадывается. А посланные его отыскать и доставить к безутешному отцу четверо ражих молодцов – Явтух (Ильдар Гарифуллин), Спирид (Василий Бичев), Дорош (Игорь Кожевин) и Немой казак (Кирилл Попов) – о его преступлении прекрасно осведомлены.

Они поют и травят байки. Лихо опрокидывают стопки (одним движением руки за спину). Горилка из огромных бутылей льется рекой. Но как только Хома делает попытку скрыться от их пристальных взглядов, один из них становится на его пути («пан велел тебя доставить!»).

Главный художник Свердловского театра драмы Евгений Кравец – мастер больших пространств – сумел принести на малую сцену дыхание зажиточного хутора, описанного Гоголем, с его лугами, томной зеленью деревьев, селениями вокруг да полосой Днепра на горизонте.

А. Зольников –
Хома Брут,
Е. Соколова –
Шинкарка.
«Вий».
Свердловский
академический
театр драмы.
Фото В. Балакина

На авансцене неожиданно глубокий пруд. Из него черпают горилку, отпаивая вусмерть перепуганного гостя. В этот пруд ныряет с головой соучастник преступления – богослов Халява (Александр Хворов), не выдержавший угрызений совести. Утопленник придет к Хоме, дабы напомнить о воздаянии, гневе небес (овеществленным символом которого кажется гроб, нависающий над сценой). Символ жизни (вода) и символ смерти (гроб) образуют полюса напряжения.

Четверо стражей Хомы, каждый на свой лад, склоняют его к покаянию. Убитый горем Сотник (Михаил Быков) заглядывает ему в глаза и делает длинные паузы в рассказе о дочке. Покойница Панночка (Полина Саверченко) каждую ночь уговаривает своего убийцу снять грех с души. Но скверный мальчишка до последнего надеется на русское «авось, пронесет». В финале третий подельник – ритор Тиберий Горобец (Павел Табаков) – приходит с покаянным письмом. Рассказывает подробно, как именно насиловали и били несчастную Панночку, и просит честной мир простить его! Мир прощает покаявшегося насильника. Ибо кающийся грешник угоден людям и Богу...

А. Зольников – Хома Брут, П. Саверченко – Панночка. «Вий». Свердловский академический театр драмы. Фото В. Балакина

Бог в нас верить перестал

Спектакль «Железна Васса. Мать» Уланбека Баялиева начинается предсмертным хрипом хозяина дома. «Сам» – строитель и владелец огромного дела, домашний тиран и мучитель, – лежит в стеклянной комнате за красными портьерами. Прислушиваются к дыханию свекра сыновья, невестка и Васса – Ирина Ермолова, статная, породистая, гордая красавица. Слушает с затаенным нетерпением: скорей бы!

В этом «скорей бы» не столько усталость измученной и задержанной жены, сколько досада деловой женщины. Хозяйка, политик, «голова» – эта Васса любое обстоятельство жизни оценивает в одной системе координат: поможет оно «дому Железновых» или помешает. В непростых предлагаемых обстоятельствах она всегда выбирает путь расчета выгод и убытков. Все ее решения логичны, рациональны, во благо делу. Последствия этих решений страшны: смерти, разрушенные души, опустевший дом.

Она просчитывает и осуществляет комбинацию по лишению наследства своих сыновей: озлобленного на весь мир горбуна Павла (Игорь Кожевин) и фанфарона-подкаблучника Семена (Антон Зольников). Ни Павел, ни Семен, ни невестка Наталья не могут противостоять ее безжалостным действиям. Ханжа и дура Наталья (с изумительной

И. Ермолова – Васса. «Железнова Васса. Мать».
Свердловский академический театр драмы. Фото В. Балакина

точностью сыгранная Юлией Костиной) лишь на несколько минут потешит себя самоощущением «хозяйки дома», и тем более будет отрезвление: маменька ничему не даст уплыть из ее цепких рук.

Деверь-сибарит Прохор (Борис Горнштейн) после смерти брата хочет изъять свой капитал из дела. Значит, разумно заставить запуганную служанку подложить ему смертельную дозу лекарства. Последнее, что мы видим перед антрактом, – повесившуюся на крюке посреди гостиной Липу.

Сценограф Евгения Шутина выстроила на сцене мрачный дом с черной мебелью, темные портьеры в минуты объявленной смерти сменяются алыми. Вокруг дома – голые деревья, будто сожженные останки пышного некогда сада. В осеннюю гулкую пустоту уйдет угрюмый и страстный Павел, преданный братом, матерью и женой Людмилой (Ольга Мальчикова). Его горбатая тень медленно растворится в сгущающейся темноте. Мать не смотрит ему вслед.

Он уже сыграл предназначенную ему роль – умело науськанный сестрой, довел до смерти больного дядю... Он – отыгранная карта.

А вот семью теперь придется строить заново. Васса расчетливо пытается наладить новый быт и новые порядки, предлагая дочери Анне (Татьяна Малинникова) и освободившейся от постылого мужа невестке Людмиле перебраться к ней жить: «Я вас не обижу».

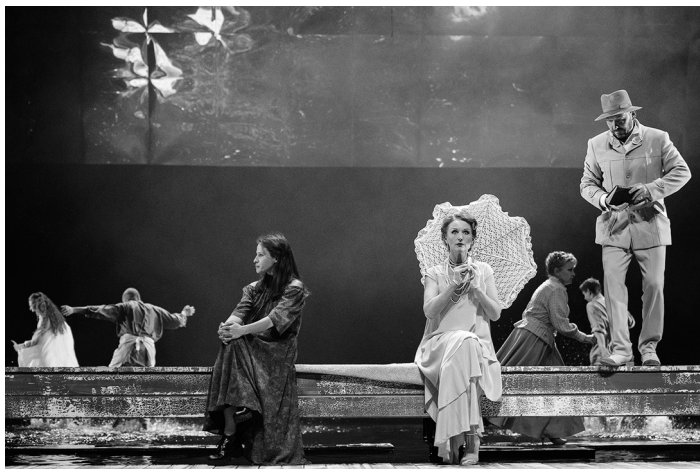
«Железнова Васса. Мать». Свердловский академический театр драмы.
Сцена из спектакля. Фото В. Балакина

В финале три красавицы на авансцене смотрят в зрительный зал, строят планы и говорят о саде (кажется, впервые в горьковской пьесе звучит такой прямой парафраз с финалом чеховских «Трех сестер»). Но от них веет страхом, веет холодом и смертью... Бог в эти мечты не верит...

На берегу озера

Девочка в белом платье срывающимся голосом начинает хрестоматийный монолог: «Люди, львы, орлы и куропатки...». Постепенно голос крепнет. Воды озера отражаются в зеркальном небесном своде. Сводящий с ума лунный пейзаж полностью соответствует поэтическим ожиданиям Треплева.

Сценограф Владимир Кравцев «придвинул» колдовское озеро вплотную к дому. По легкомыслию никто не слышит ропота Леты, воды которой подступили и намереваются поглотить деревянные стены с висящими на них портретами предков. Персонажи шлепают босиком по отдели, слуги то и дело «выныривают» на господский оклик прямо из озера. Расшалившийся Тригорин плещет водой на Нину Кристины Шкабровой. Она замирает от счастья: известный писатель «играет» с ней (больше всего на свете в эту минуту ей хочется побежать похвастаться Треплеву)... От щенячьей доверчивости, с какой она идет навстречу

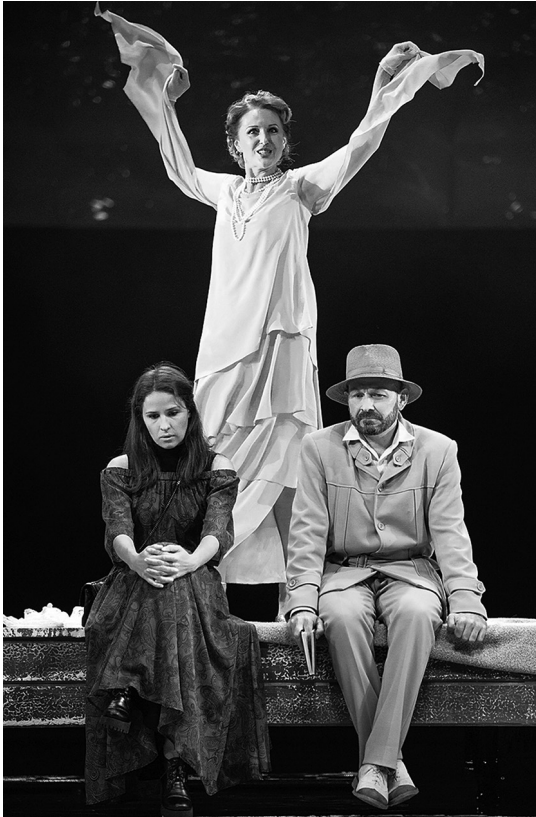
«Чайка». Свердловский академический театр драмы.
Сцена из спектакля. Фото В. Балакина

судьбе, действительно, можно сойти с ума. Треплев не только досаждает на Нину, но и боится за нее. Девочка-бабочка Нина, обжигая крылья, летит «на огонек известности». Мальчик Константин Александра Хворова был поэтом недолго – пока его любовь встречала взаимность.

Режиссер Григорий Козлов на чеховских персонажей смотрит с понимающим состраданием, снисходительно принимая их «мелкие злодейства». Александр Баргман наделяет своего Тригорина обаянием мужчины, в которого легко влюбиться, но невозможно ни опереться, ни положиться. Какие бы драмы ни происходили в его жизни, они останутся для безвольно-равнодушного Тригорина сюжетами для небольших рассказов.

С насмешливым пониманием относится Ирина Ермолова к женскому и актерскому эгоизму Аркадиной. Слишком нарядная для будничной жизни, она ловко устраивает свои житейские дела, но проигрывает своим близким (смертельная болезнь брата, самоубийство сына – простит ли она себе их?). Игорь Кравченко играет Сорина постаревшим дядей Ваней, который пытается трогательно наверстать упущенное – курит сигары и выпивает рюмку хереса за обедом.

Екатеринбургская «Чайка» выстроена по законам музыкальных переходов. Диалоги, идущие на *forte*, внезапно меняют темп, переходят к замирающему *piano*: фразы падают в пустоту наших душ и будят

«Чайка».
Свердловский
академический театр
драмы.
Сцена из спектакля.
Фото В. Балакина

долгое эхо. Медленно падает мячик из руки Сорина, и вот уже его сон становится предвестием сна вечного.

Нина Заречная вспоминала «чувства, нежные как цветы». На спектакле Григория Козлова задумываешься о том, что и люди хрупки как те маленькие цветочки, которые Нина отдает Дорну (Вячеслав Хархота).

...Ольга Прозорова в «Трех сестрах» вздыхала: «Все идет не по-нашему». Реплику эту могли бы повторить все персонажи «Чайки» и зрители в зале. Кажется, для подавляющего большинства наших современников «идет не по-нашему» – постоянный и определяющий лейтмотив. Представители всех партий и группировок, политические деятели, властители дум и популярные блогеры, домохозяйки и фейсбучные бойцы – все они сходятся в этом «не по-нашему». Вечный чеховский мотив до боли созвучен мироощущению дня нынешнего.